

«СИЯ СЕРДЕЧНОЙ ДРУГ ОТ БОГА ПРИИМИ...» (И.-В. ПАУС) *

Петров А.В. **Эпиталама в русской литературе XVIII века: Очерки по исторической поэтике жанра.** – Магнитогорск: МаГУ, 2012. – 218 с.

Эпиталамика – одно из древних и авторитетных явлений мировой культуры – в контексте отечественной литературной культуры Нового времени своеобразно и интересно эволюционирует в системе панегирической словесности.

Связей в новом и разнородном окружении у эпиталамы устанавливается множество: от традиций прециозного новоевропейского этикета (например, ритуалы рококо) – до самобытной русской сатирической поэзии, дающей рефлексию на эпиталамику уже в начале XIX века¹. Не менее важен и факт глубокой органичной включённости эпиталамы как явления в систему определяющей для русского XVIII века «культуры праздника».

Несмотря на то что многое из перечисленного уже достаточно давно признавалось исследователями практически за аксиому, как самостоятельная художественно-философская единица в историко-литературном процессе эпиталама пока что не была рассмотрена, так как чаще всего попадала на зависимые служебные роли при системных обзорах панегирической литературы России Нового времени.

Новая монография известного современного литературоведа Алексея Владимировича Петрова как раз и восполняет существовавший пробел: эпиталама оказывается здесь не просто «главной героиней», а одним из средоточий историко-литературного и историко-культурного процессов. В связи с этим, думается, отнюдь не случайно дано учёным подзаглавие к своему труду: «Очерки по исторической поэтике жанра». История эпиталамы в русской литературной культуре целостно даётся в книге проф. А.В. Петрова как суверенная ветвь всей истории отечественной словесности на эпохальном отрезке времени: от конца XVII к началу XIX столетия. Под определённым углом зрения мы вообще можем говорить о представленной в монографии своеобразной «истории русской словесности в миниатюре» – в эпиталамическом ключе.

Игровой и одновременно философский характер поэтики жанра эпиталамы ёмко передают и интересные заглавия разделов: так, пролог, посвящённый

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.А18.21.0536.

¹ В миниатюре схождение разных временных и эстетических векторов на явлении эпиталамы хорошо передаёт третий раздел исследования А.В. Петрова – «На перекрёстке культур: от сатурналий до рококо: эпиталамы В.К. Третьяковского (вторая треть XVIII века)» (с. 63–75).

проблемам национальных мифов в эпиталямике, открывается цитатой совершенно в стиле исследуемого явления: «Что касается девушек, то их мнением вовсе не интересуются...» (с. 13–36).

Отмеченный нами выше универсализм исследуемой А.В. Петровым эпиталямике любопытно проследить, к примеру, через проблемно-тематический диалог двух соседствующих разделов: во втором разделе монографии (с. 37–62) эпиталяма предстаёт как своеобразный эпицентр национальной демографической политики («Заботы иноземцев о процветании “рода Петрова” и “прочих чинов людей” (эпиталямы первой трети XVIII века)»), а в третьем разделе (с. 63–75) она высвечена как средоточие новых синтетических тенденций в отечественной литературной культуре (это уже обозначенный нами выше раздел о феноменологии В.К. Третьяковского).

Продуктивен и необычен тонко и убедительно применённый учёным уже во введении приём «доказательства от обратного». Реализован этот приём в прологе монографии в двух планах. С одной стороны, начинает филолог с рассмотрения отзвуков древнего жанра в современности (потому и упомянут на с. 6 неоднозначный и всемогущий Интернет); с другой стороны, приводятся сразу, в системе, весьма скептические суждения (с. 7–9) о возможностях эпиталямы у писателей второй половины XIX – первой трети XX века (М. Салтыкова-Щедрина, В. Каменского).

Взгляд в ретроспективе при этом позволяет исследователю свободно выйти на действительно смысловнесущую для эпиталямике прикладную её функцию «преодоления исключительных обстоятельств в свою пользу». Потому, думается, и «встречаются» на соседних страницах введения (с. 9–10) позднеримский автор Драконтий и загадочный российский пиит Василий Третьяковский (оба на момент создания известных своих эпиталям находившиеся в заточении, пусть, конечно, и по разным причинам).

В полной гармонии с анализируемым явлением выходит А.В. Петров и на аллюзионные параллели как дополнительное условие объединения разделов-ступеней своего труда в одно целое. Так, уже прозвучавший во введении мотив «эпиталямике среди испытаний» продолжается в мифопоэтическом ключе в разделе первом, где рассматривается (в том числе через восприятие иностранцами) мотив слёз в предсвадебных и свадебных обрядах и ритуалах (с. 13–36). Далее иноземцы как первоисследователи русской литературной культуры выступают главными героями второго раздела, посвящённого Петровскому времени (с. 37–62).

Пестрота и многослойность центрального изучаемого феномена эпиталямы позволяют учёному свободно включать в рассматриваемый контекст и целый ансамбль смежных явлений отечественной литературной культуры разных эпох. К примеру, отнюдь не безынтересна будет первая подглавка для специалистов-фольклористов. Эпиталямике постоянно предрасполагает к многомерности позиции – потому и на, казалось бы, маргинальных уровнях поэтики взгляд исследующего полифоничен. Закономерно в связи с этим показаны в дискуссиях о феномене русского фольклора (как и о свадебных, эпиталямических тенденциях в нём) В.Ф. Трутовский и Н.А. Львов, А.О. Аблесимов, Екатерина Вторая и А.Н. Радищев.

Помимо уже обозначенных нами выше идейно-эмотивных тонов исследования заслуживает особого внимания и постоянно проводимая автором монографии мысль о роковых последствиях забвения народом, нацией своих национальных обычаев и обрядов (все пять пунктов-выводов первого раздела книги (с. 35–36) этому так или иначе и посвящены).

Не обойдены вниманием уважаемого автора и жанровые потенции эпиталямы. Наряду с центральными панегирическими вариациями рассматривается в книге также любопытная периферийная «антиэпиталяма»: от программного стихотворения С. Полоцкого «Женитва» в системе «Вертограда многоцветного» (с. 41–42) к сатирическим автоверсиям у Г.Р. Державина, С.С. Боброва, И.М. Долгорукова и др. (с. 185–203).

В контексте до сих пор ещё более чем неоднозначно и неровно изученной русской «Павлианы» особый интерес представляют пятый (с. 108–143) и шестой (с. 144–183) разделы книги А.В. Петрова, в которых последовательно разворачивается перед нами «свадебная перспектива»: от времён, предшествующих воцарению русского Гамлета, Павла Первого, – до судеб его наследников.

Изысканными медальонами в книге об эпиталяме (как тут не вспомнить не раз включённый в контекст анализа-обзора жанр свадебного подарочного живописного медальона!) выписаны заключительные разделы и приложение (содержащее сводный перечень русских эпиталям XVII – начала XIX веков), эстетичен постскриптум об опыте М. Генделева (с. 205–206).

Исследование, тем более идущее по целине и преобразующее прежнее неполное знание или незнание в новое качество, имеет интересные перспективы. Наметим некоторые из них.

Так, уверены, небезынтересно в дальнейшем развитии темы будет рассмотрение жизни эпиталямики в её диалогах и отталкиваниях от «теневого крыла» – так называемой «надгробно-панегирической» традиции в русской литературе.

Не менее продуктивен и взгляд в будущее – в XIX век (к примеру, пастельные эпиталямические мотивы и мифопоэтика тонко прорисовываются у В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, Е.П. Люценко, А.И. Беницкого).

Любопытно будет, как нам кажется, проследить и региональные модификации русской эпиталямики – и собственно в XVIII столетии, и в последующие эпохи историко-культурного развития (как, допустим, русская «праздничная мифопоэтика» рассматривалась в провинциальном контексте Р.М. Лазарчук).

*А.Н. Паикуров,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
г. Казань, Россия*